

Вячеслав КОБЯКОВ

СТАРАЯ ГВАРДИЯ
(ТОЖЕ ЛЮДИ)

Пьеса в двух действиях

МОСКВА

2014

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

КУДЫШНЫЙ

ВАСИЛИСА

1-я СТАРУШЕНЦИЯ

2-я СТАРУШЕНЦИЯ

3-я СТАРУШЕНЦИЯ

ХЛЕБУШКИН

ВЫШКИН

Дом ВЕТЕРАНОВ СЦЕНЫ. День. Однако все постояльцы и даже дежурная ВАСИЛИСА беспробудно спят. Тишина. И только Василиса иногда бормочет во сне.

ВАСИЛИСА. ... Здравия желаю, товарищ Вышкин! ... Слушаюсь, товарищ Вышкин! Есть – ложись! ... Есть – выше ногу! ... Василиса на связи! ... Так точно, товарищ Вышкин: ветеран... брр... солдат спит, а служба идет ... (Затихает)

Входит КУДЫШНЫЙ. Он в больничной одежде.

КУДЫШНЫЙ. Тишина вокруг... какая-то мёртвая. Вымерли все, что-ли? Ни души! (Замечает Василису.) О, есть одна душа и кажется живая. Эй, спящая душа? Спящая красавица, проснись!

Василиса вскакивает.

ВАСИЛИСА (полусонно). Виновата, товарищ Вышкин! ... Ой, простите, я вас с ним перепутала спросонья. « Мёртвый час» виноват.

КУДЫШНЫЙ. Час мёртвых? Хороните кого-нибудь?

ВАСИЛИСА. Да нет, “мёртвый час” – это просто сон, послеобеденный, его так здесь наши постояльцы называют.

КУДЫШНЫЙ. Это Дом престарелых актёров... или как их там?

ВАСИЛИСА. Это Дом ветеранов сцены.

КУДЫШНЫЙ. Во-во, вы-то мне и нужны!

ВАСИЛИСА. Я?

КУДЫШНЫЙ. К сожалению, не ты, а ветераны сцены. Мне срочно нужна старуха, и чем древнее, тем лучше!

ВАСИЛИСА. Вам – старуха? А зачем?!

КУДЫШНЫЙ. Я хочу её снять!

ВАСИЛИСА. Да вы после этого знаете кто такой?!

КУДЫШНЫЙ (спокойно). Я-то знаю.

ВАСИЛИСА. Приказываю, немедленно доложить мне кто вы такой?!

КУДЫШНЫЙ. Это ты кто такая? Раскомандовалась тут ...

ВАСИЛИСА. Я – Василиса, дежурная по Дому ветеранов сцены!

КУДЫШНЫЙ (входит в роль, изменённым голосом). А я ваш новый Хозяин! Я только что купил этот дом со всеми его потрохами! И с этой минуты все постояльцы - беспрекословные исполнители моей воли, моих желаний!...

ВАСИЛИСА (испуганно). Не-е-т!

КУДЫШНЫЙ. Тогда я вас уничтожу, сотру в порошок! (Выходит из роли, обычным голосом.) Теперь ты меня узнала?

ВАСИЛИСА. Вы больной...

КУДЫШНЫЙ. И ты туда же! Это же сцена из известнейшего отечественного фильма, “Разорванные страсти” называется. Неужели не видела? Я в этом фильме на редкость отпетого негодяя играл. Ку-дыш-ный моя фамилия.

ВАСИЛИСА. Так вы артист?!

КУДЫШНЫЙ. Кинозвезда, в прошлом. Нынешним кинорежиссёрам на меня начхать! Они мне прямо в глаза заявляют: ”Господин Кудышный – артист никудышный!”

ВАСИЛИСА. И вы, кинозвезда, хотите снять старуху?!

КУДЫШНЫЙ. Хочу снять, в фильме! Я с апреля этого года сам стал кинорежиссёром. Я – кинорежиссёр! Ки-но-ре-жи-ссёр!

ВАСИЛИСА. Я вам верю.

КУДЫШНЫЙ. Слава богу, а то приходится доказывать это всё больше кулаками!

ВАСИЛИСА. А почему на вас, на кинорежиссёре, одежда какая-то странная?

КУДЫШНЫЙ. Эта? Так я же прямо со съёмок. Я здесь рядом, через дорогу, в больнице, фильм свой первый снимаю. И сам в своём фильме играю одного идиота в этой самой одежде... Ну где, где твои старушечки? Мне дозарезу нужна старуха-актриса!

ВАСИЛИСА. Придется немного подождать, все старушки еще спят.

(Восхищенно.) Ну надо же, передо мной живой кинорежиссёр! А как вам удалось им стать?

КУДЫШНЫЙ. Мне? Не иначе как по велению свыше. Кому не расскажу – никто не верит!

ВАСИЛИСА. А вы мне расскажите.

КУДЫШНЫЙ. Зачем? Ты тем более не поверишь.

ВАСИЛИСА. Поверю, я верящая.

КУДЫШНЫЙ. Верящая? Тогда слушай, пока старушеницы от обеда отсыпаются... Дело было в Пенькове, у отчима в дачном посёлке. Прочёл я там как-то объявление: “Пропала собака. Нашедшему вознаграждение.” И фотография собаки. Глянул я на фото – вылитая собака моего отчима. А я в то время санитаром подрабатывал в этой самой больнице, где сейчас фильм снимаю. Полгода там какие-то чиновники-идiotы нам зарплату не выдавали! А тут, если верить объявлению, живые деньги. Не долго думая, сграбастал я собаку отчима – и по объявлению. И вот те на: объявляльщик и собака никак друг друга признать не могут. Да и сам я замечаю, собака отчима не очень уж с фото сходится, скорее даже наоборот. Что тут делать? Решил не отступать... от денег. И на голубом глазу жалобно так поскуливаю: облезла ваша собачонка, одичала, отвыкла. Убедил, актёрский талант помог, пригрел он её. И выплатил мне неслыханное, по тем временам, вознаграждение. Иду обратно, посвистываю, и вижу как отчим, весь в слезах, объявление расклеивает: “Пропала собака...” За бутылкой выяснилось, отчим эту собаку ещё щенком, как Герасим из воды выудил. И любили они друг друга – той же водой не разольёшь! Но одной любовью сыт не будешь. Эх, что мне от тебя скрывать, голодала она у отчима по-чёрному, на цепи сидела в дырявой будке и в проливной дождь и в лютый мороз. А сук даже на нюх не имела. А у нового хозяина это же просто небо и земля: свобода, суки, конура с подогревом. Я уж не говорю о собачьей жратве, сам бы её ел двумя руками. Так что я перед отчимом своей вины не чувствую. Вот такая счастливая история, я бы даже сказал карьера, сложилась у простой невзрачной дворняжки.

ВАСИЛИСА. Это вы мне о собачьей карьере зачем-то рассказали, а я о вашей карьере спрашиваю. Как вам кинорежиссёром-то удалось стать?

КУДЫШНЫЙ. Ты что, не догадалась, по собачьей карьере?

ВАСИЛИСА. Я недогадливая.

КУДЫШНЫЙ. Неужели трудно догадаться, что с тех пор с новым хозяином отчимской собаки я на дружеской ноге. А он оказался олигархом средней руки, да ещё и киноманом. Как только узнал, что я кинорежиссёром задумал стать – такое отчихвостил! Все свои капиталы мне скинул! То ли по доброте душевной, то ли по глубокой пьянке.

ВАСИЛИСА. По пьянке всё может быть. Ой, да вы, наверное, шутите.

КУДЫШНЫЙ. Вот чего не умею, так это шутить в серьёзном обществе. Олигарх всё своё богатство мне завещал, одному. После своей смерти, разумеется. А он такой кряжистый, моложавый был.

ВАСИЛИСА. А почему – был? Вы его убили?!

КУДЫШНЫЙ. Убили, царствие ему небесное. Но не мы, то есть, не я. Его партнёры-могильщики потрудились. Мы с ним отмечали светлое событие: сорок дней со дня, как нашлась его дворняга. И нас траванули! Сначала собаку, потом нас. Как показала экспертиза, его партнёры-могильщики водку нам подсунули отравленную. Собаку и меня откачали, а олигарха – нет. Вот так мне и достались его бешенные миллионы. Ну а за “бабки”, сама понимаешь, не только кинорежиссёром или там космонавтишкой стать можно, но и самим Президентом всея Руси!

ВАСИЛИСА. Вы могли бы стать нашим Президентом?

КУДЫШНЫЙ. Запросто! Харизма на лицо, зубы заговаривать умею, а всё остальное, как говорят мафиози, можно подкупить! Но я человек не тщеславный, для начала решил поработать кинорежиссёром. Идея моего фильма – резануть всю правду-матку!

ВАСИЛИСА. Всю? Как интересно!

КУДЫШНЫЙ. Ну а ты кто, по большому счету, может я зря тут воздух сотрясаю?

ВАСИЛИСА. Я, по сравнению с вами, дерьмо на палочке! Дежурю здесь день и ночь, полы драю, “утки” выношу, носы подтираю, жалобы выслушиваю...

КУДЫШНЫЙ. Да-а, сплошная чернуха. И что, так до скончания дней своих?

ВАСИЛИСА. Да мне дней-то осталось всего ничего, сорок семь. На службе я здесь, альтернативной.

КУДЫШНЫЙ. И как прикажешь это понимать?

ВАСИЛИСА. А чего тут понимать? Брата моего, близнеца, в армию решили забрить. А он – ни в какую, вплоть до самоубийства! А я его люблю – вплоть до самопожертвования! Вот и пожертвовала собой: пошла вместо него в армию, за вознаграждение военному. Мы с братом так похожи – в лупу не различишь. К тому же он по паспорту Василий Гованюк, а я Василиса Гованюк.

КУДЫШНЫЙ. Как, как фамилия?

ВАСИЛИСА (по слогам). Го-ва-нюк.

КУДЫШНЫЙ. Совсем другое дело, а то мне слышалось...

ВАСИЛИСА. Ну, так вот: в документах кое-что исправили – и всех делов! Тут же в армию загремела связисткой. Скажу вам по секрету, в наших войсках ужасная связь! Она и случайная бывает, и беспорядочная, а главное её всегда поддерживать надо, «связь» эту! И со своим командиром, и с вышестоящим, и даже с женатым! А профзаболеваний сколько от этой «связи»?! Вы бы знали, с каким трудом я сюда перевелась. Здесь и дослуживаю. А можно я вам стишок прочту про армию? Сама сочинила. Может во мне какая-нибудь артистка скрывается?

КУДЫШНЫЙ. Если сама сочинила – отказать невозможно!

ВАСИЛИСА (декламирует). Была я с детства рыжая простушка
Любой военный брал меня “на мушку”
На армию смотрела свысока...
Как молодость от жизни далека!
Но с каждым днём, морально вырастая,
К военной службе сердцем прирастаю!
Я в армию пошла не за зарплатой
Не надо мне ни серебра, ни злата!
Хочу быть в нашей армии примером:
Стать старшиной, а лучше офицером!

Не понравился стишок? Да вы не прячьте глаза-то. Может я вам лучше песню спою, для чего же у нас в школе уроки пения давали? А здесь меня на фо-но брэнчать научили. Песня тоже про армию, патриотическая. Музыку и слова тоже сама сочинила. Спеть?

КУДЫШНЫЙ. Если патриотическая – валяй, может кого-нибудь из старушек разбудишь.

ВАСИЛИСА (объявляет). «Прощание с “гражданкой”»! (Садится за фортепьяно, поёт.)

Вот и всё – прощай “гражданка”!
Ждут нас самолёты, лодки, танки!
В армии престиж хорош:
Не захочешь – а пойдешь!

ПРИПЕВ: Армия – святое дело!
В армию мне захотелось!
В армии я вижу толк
Выполню священный долг!

До свидания мама, папа и свекровь!
 Проливать за вас всегда готова кровь!
 И не верьте вы своим глазам,
 Рады вы – я вижу по слезам!

ПРИПЕВ.

Не грустите, милые ребята!
 Армия моя – мои пенаты!
 Бабы, мы не где не пропадём,
 С орденами мы домой придём!

ПРИПЕВ.

Боже мой, еще сорок семь дней ляжку тянуть!... Скажите, а как певичка я вам понравилась? Если вы уши заткнули, значит, не понравилась. Ну, хотя бы лицо и фигура у меня как у артистки или нет? Вы приглядитесь повнимательнее. (Прохаживается) Талия у меня осиная, сама измеряла. Бёдра – дай бог каждому! Ноги, сами видите, откуда растут. Я уж не затрагиваю грудь, мне её даже самой хочется пощупать. И вы можете... прикоснуться. Только не надо от меня скрывать, молодые артистки свою первую роль чаще всего исполняют в постели.

КУДЫШНЫЙ. Бедная, нет, **милая** Василиса, я с удовольствием снял бы тебя в своём фильме, и без всякой постели, будь ты чуть-чуть постарше, хотя бы лет на сорок.

ВАСИЛИСА. А что, жена кинорежиссеру тоже не подходит, она ведь наверняка артистка.

КУДЫШНЫЙ. Ну а чём ты?! Она совсем ребёнок, первый курс ВГИКа. А мне нужна ста-ру-шен-ция. Не скрою, я жену пробовал на эту роль, в лохмотья одевал, старательно загримировывал. Но возраст не скроешь, лезет во все щели! Кстати, о возрасте, у меня юбилей: мне завтра ровно сорок лет и девять месяцев стукнет. Вот куда я тебя с удовольствием и приглашаю! Если, конечно, найдешь мне сегодня старушенцию.

ВАСИЛИСА. Найду! Только что за юбилей – “девять месяцев”?

КУДЫШНЫЙ. А я веду отсчет своей жизни со дня зачатия. Отец мой с этим категорически не согласен, а мама согласна. Это, говорит, единственный день, когда я любила твоего отца. Ты с ней согласна?

ВАСИЛИСА. Я согласна... принять приглашение.

КУДЫШНЫЙ. Какое приглашение? Куда?

ВАСИЛИСА. На ваш юбилей, завтрашний.

КУДЫШНЫЙ. Ах, на мой юбилей? А я думал ты откажешься, из гордости.

ВАСИЛИСА. Я не гордая, я доверчивая.

КУДЫШНЫЙ. Доверчивым я всегда рад, приходи.

ВАСИЛИСА. А куда?

КУДЫШНЫЙ. На кудыкину гору.

ВАСИЛИСА. Издеваетесь?

КУДЫШНЫЙ. Ты гору за мэрией видела, знаешь?

ВАСИЛИСА. Ну.

КУДЫШНЫЙ. На ней бывший депутат Кудыкин открыл ресторан под названием “На кудыкиной горе”. Там и встретимся в 20.00.

ВАСИЛИСА. А как на это посмотрит ваша жена?

КУДЫШНЫЙ. Её там не будет, к нашему счастью.

ВАСИЛИСА. Как здорово! А куда же она денется?

КУДЫШНЫЙ. Всё-то тебе объясни! Мы с женой недавно поссорились. Она меня спрашивает: “Милый, что тебе подарить на твой юбилей?” А я же кинорежиссер, фанатик своего дела! Взял и ляпнул: “Подари мне старуху! Только не обычную бытовую старуху, а какую-нибудь загадочную, увидел – влюбился!” Она в слёзы. Я ей поясняю: “Старуху – актрису, на роль!” Так она мне столько тридцати-сороколетних перетаскала! Для неё они, понятное дело, старухи. А для меня? Сплошной разврат. “Тебе не угодишь!” – и укатила за границу, якобы на съемки многосерийного рекламного клипа... День и ночь думаю, как мне её найти?

ВАСИЛИСА. Ваша жена не оставила ни адреса, ни телефона?

КУДЫШНЫЙ. Да не жену я хочу найти, а старуху-актрису! Одни молодухи вокруг меня вертятся! Ничего не поделаешь, издержки профессии. И вот сегодня, прямо на съемках, меня будто кто в бок толкнул: вот же рядом Дом ветеранов сцены! Я тут же прервал съёмки – и пулей сюда! Даже, как видишь, не переоделся.

ВАСИЛИСА. И правильно сделали что пришли. Я сегодня же подарю старуху-актрису на ваш юбилей!

КУДЫШНЫЙ. Если отыщешь мне талантливую древнюю старушенцию, я приглашу тебя на премьеру моего фильма! А в недалёком будущем – на вручение мне “Оскара”!

ВАСИЛИСА. Как жаль, что мои подопечные ещё спят.

КУДЫШНЫЙ. Буди, они спят и видят себя в этой старческой роли!

ВАСИЛИСА. О, есть одна, я совсем о ней забыла! У неё бессонница. Сейчас я её приведу. А если упрётся – силой притащу!

КУДЫШНЫЙ. погоди, запомни вот что: я – никакой не кинорежиссёр!

ВАСИЛИСА. Вот те на, вы меня обманули?!

КУДЫШНЫЙ. Для **них**, для старушенций, я как бы никакой не кинорежиссёр! Дело в том, что они, актрисульки эти, только увидят режиссера, тут же начинают кривляться, хвалиться, оголяться. Да так – талант не разглядишь! Давай сделаем так: для старушенций я буду, предположим, ...

ВАСИЛИСА. Военкомом!

КУДЫШНЫЙ. Причем здесь твой военком?! Да-а, как служба людей портит, даже альтернативная. Я буду для актрис-старушенций - врачом!

ВАСИЛИСА. Гинекологом!

КУДЫШНЫЙ. Эко хватила, это же золотые руки иметь надо. Буду-ка я - психотерапевтом! Для психотерапевта главное запудрить больному мозги. С этим я справлюсь. А для пущей важности, я буду ещё и известным профессором! Для начала присмотрюсь к ним, поговорю на отвлеченные темы, прошупаю их нутро, и как бы невзначай, походя, коснусь их бывшей профессии. А потом, после глубокого анализа, вынесу окончательный диагноз: потянет ли кто-нибудь из них эту клинически трудную роль! А тебе придется мне подыгрывать.

ВАСИЛИСА. Я так подыграю – вас обыграю!

КУДЫШНЫЙ. Вот и посмотрим, какая ты артистка.

ВАСИЛИСА. Они на врача – как саранча!

КУДЫШНЫЙ. Проще будет провести кастинг.

ВАСИЛИСА. А им не будет больно, я же за них отвечаю.

КУДЫШНЫЙ. Если я им и причиню боль, то только моральную.

ВАСИЛИСА. Значит, я должна запомнить следующее: вы – врач-гинеколог, тьфу, психотерапевт, очень известный профессор!... кислых щей. Ну какой вы, на хрен, профессор?! Вы на себя в зеркало смотрели?

КУДЫШНЫЙ. Смотрел, но ничего ужасного в себе не увидел.

ВАСИЛИСА. А я увидела. Надо привести вас в божеский вид. Жаль бороды нет. Хорошо хоть очки есть. (Приводит Кудышного в божеский вид. Подает белый халат.) Наденьте для убедительности. Ну вот, более-менее на что-то похоже. Таким вы мне даже больше нравитесь... А что будет, если она прямо сегодня появится?

КУДЫШНЫЙ. Я буду счастлив, мне же только её и не хватает!

ВАСИЛИСА. Вот это любовь! Как я завидую вашей жене!

КУДЫШНЫЙ. Я говорю о старушенции!

ВАСИЛИСА. Ой, простите, опять забылась! Бегу на крыльях любви за бабкой-бессонницей! (У двери.) Не забудьте напустить профессорский вид!

Василиса уходит. Кудышный наводит в помещении нужный ему порядок. Входит ВЫШКИН. Он негромко напевает песню о Советской армии.

ВЫШКИН (поет). “Несокрушимая и легендарная, в боях познавшая радость побед, всеми любимая родная армия...” (Заметив Кудышного, перестаёт петь, однако полностью игнорирует его присутствие.) Василиса, ты где? Почему покинула пост?!

КУДЫШНЫЙ. Уважаемый, если вы меня видите и слышите, вы кто здесь?

ВЫШКИН. Василиса, у нас в Доме посторонние!

КУДЫШНЫЙ. Один посторонний.

ВЫШКИН. Так, оценим обстановку, проведем рекогносцировку, и задокументируем. (Прохаживается по помещению, что-то записывает в записную книжку.) Четырнадцать часов тридцать семь с половиной минут. Главное помещение полностью пусто от людей.

КУДЫШНЫЙ. А я... пустое место?

ВЫШКИН. ...Дежурная суточная Василиса пропала без вести бесследно.

КУДЫШНЫЙ. Она вышла к постояльцам по нужде, по моей.

ВЫШКИН. ...Следов физической борьбы нет, однако крышка фо-но вздёрнута вверх ногами. Капель крови по горячим следам не обнаружено. Носильные вещи и инвентарные предметы, глядя на глазок, без хищения, но как-то странно изменили своё место пребывания.

КУДЫШНЫЙ. Вы описали ужасную картину.

ВЫШКИН. ...В правом нижнем углу неопознанный говорящий живой объект.

КУДЫШНЫЙ. Субъект!

ВЫШКИН. ... На вид ему (Всматривается в Кудышного.) Без определенного срока возраста...

КУДЫШНЫЙ. Мне завтра сорок лет и девять месяцев.

ВЫШКИН. ... с явно измененной внешностью. На носках ног тапочки...

КУДЫШНЫЙ. Белые.

ВЫШКИН. ... чёрные, надорванные. Одет: белый халат не по размеру большого туловища. На нагрудном кармане обозначенного халата текст-нашивка: “Гованюк Василиса”. (Прекращает писать.) Ну, Василиса! Ну, Гованюк! Ты у меня ещё попляшешь под мою дудочку!

Вышкин убегает. Входит Василиса.

ВАСИЛИСА. Это был Вышкин, наш добровольный Главнокомандующий!

КУДЫШНЫЙ. Это был тиран с военным уклоном!

ВАСИЛИСА. Да какой из него тиран? Это он просто придушивается от безделья. Он всю жизнь прослужил в армейских песнях и плясках. А в свободное время мечтал стать то ли политрабработником, то ли военным прокурором. До того домечтался – списали! Вот он и перебрался сюда для самоутверждения.

КУДЫШНЫЙ. У-у, здесь у него напаханное поле, одна ты чего стоишь!

ВАСИЛИСА. Вы правы, когда он меня впервые увидел, твёрдо так заявил: “Весь остаток своей жизни я положу на твоё патриотическое воспитание”.

КУДЫШНЫЙ. И успешно положил, по тебе это видно. Где бабуля?

ВАСИЛИСА. За дверью ждет, готовится.

КУДЫШНЫЙ. Кино её тоже ждет. Вводи!

Василиса вводит 1-ю СТАРУШЕНЦИЮ.

ВАСИЛИСА. Проходите, проходите, не стесняйтесь. Вас с нетерпением ждет врач... психический. Вот он, в белом халате и в чёрных тапочках. Хоть и без бороды, но профессор!

КУДЫШНЫЙ. Здравствуйте, дорогуша!

1-я СТАРУШЕНЦИЯ. Здравствуй, милоч!

КУДЫШНЫЙ. Какой у вас чудесный голос: надтреснутый, сипловатый. Как раз такой мне и нужен... для диссертации. Я материал собираю для медицинской диссертации “Наболевшие голоса России”. Если вас не затруднит, давайте немного поговорим. Вы согласны, бабушка?

1-я СТАРУШЕНЦИЯ. А я не бабушка.

ВАСИЛИСА. Ну не дедушка же?

КУДЫШНЫЙ. Виноват, вы – женщина преклонного возраста. Правильно?

1-я СТАРУШЕНЦИЯ. Нет, не правильно, совсем не правильно.

ВАСИЛИСА. Старая дева, что ли?! Извините, вырвалось.

1-я СТАРУШЕНЦИЯ. Я, милые мои, не бабушка, а прабабушка.

ВАСИЛИСА. Какая разница: бабушка, прабабушка, главное чтобы возраста хватало!

1-я СТАРУШЕНЦИЯ. Разница очень большая. У меня правнуков знаете сколько? Ровно одиннадцать. Нет, погоди: (Загибает пальцы.) Катька – раз, Сашка от Машки – два, Никита, в честь Хрущева назвали, - три, Нонедуня – имя такое, она от негра, Нонедуня – четыре, двойня у Витьки-офицера с Ленкой – это будет пять и шесть. Не забыть бы кого...

ВАСИЛИСА. Может хватит считать?

1-я СТАРУШЕНЦИЯ. Погоди, Василиса, со счёта собьешь.

КУДЫШНЫЙ. Считайте-считайте, а я тем временем буду вас диагностировать.

1-я СТАРУШЕНЦИЯ. Теперь ещё этот... Как она его назвала? Курдюк-заде, кажется. Ему и трёх месяцев нет, а она его так назвала. Надо же, Любка его в подоле принесла, вот извращенка! Это семь получается. Потом этот, в тюрюге ни за что сидит, а-а – Пашенька! Восемь. Да нет, чего это я, Пашенька в тюрьме работает. А сидит... Володька! Со шрамом который. Нет, Володька уже отсидел, а сидит... Сейчас я к себе сбегая, у меня в тумбочке всё записано.

ВАСИЛИСА. Оставьте тумбочку в покое. Кому это интересно: в подоле или в капусте, сидит или валяется?! Перед вами профессор, а не подружка на лавочке. Он любимых больных бросил, чтобы вас неизлечимую вылечить.

1-я СТАРУШЕНЦИЯ. А чего у меня лечить-то? У меня никаких хворей нету, тьфу-тьфу-тьфу.

ВАСИЛИСА. Не надо на меня плевать, я правду говорю.

1-я СТАРУШЕНЦИЯ. Ну откуда мне взять болезни-то, если их нету. Вот только бессонница замучила, не сплю ни днём, ни ночью.

КУДЫШНЫЙ. Ночами не спите? Это меня очень даже устраивает! Не уснёте во время ночных съёмок... флюорографических. Ваша бессонница меня очень заинтересовала как кинореже... как врача, как профессора! Я как раз вплотную занимаюсь этой наболевшей темой. И я уверяю вас, бессонница - это коварная

болезнь, которая приходит во время сна, даже дневного. Когда у вас появилась эта зараза?

1-я СТАРУШЕНЦИЯ. Давно появилась, только вам-то это зачем?

КУДЫШНЫЙ. Я хочу вас вылечить, расскажите мне о ней поподробнее.

ВАСИЛИСА. Только с чувством, с толком, с расстановкой!

1-я СТАРУШЕНЦИЯ. С расстановкой? Тогда придется начать с самого начала. В юности, до войны ещё, я спала как убитая. Но во сне, матушка моя мне рассказывала, начинала говорить правду всякую.

ВАСИЛИСА. Вы и сейчас говорите, только ерунду всякую. (Кудышному.) На днях Вышкину такое ляпнула: будто я сплю на службе, причём даже днем. Он теперь каждый день мне спать не даёт, проверяет. (1-й Старушенции) Откуда вы взяли, что я сплю днём, я же на ключ закрываюсь?! Вот только сегодня не закрылась, к счастью, профессора ждала.

1-я СТАРУШЕНЦИЯ. Скрывать не буду, в скважину подглядывала, замочную.

ВАСИЛИСА. Ну, если когда и задремлю, так что – трезвонить на всю округу? Ей знаете, какой здесь диагноз поставили? Словесный понос!

1-я СТАРУШЕНЦИЯ. Василиса, как тебе не стыдно!

КУДЫШНЫЙ. Бог ты мой, какой темперамент, так и брызжет!

ВАСИЛИСА. Слюной!

КУДЫШНЫЙ. Василиса, подбирай выражения. А вы, уважаемая, продолжайте, так как и начали, с чувством. Когда вы говорите с чувством на вас любо-дорого смотреть!

1-я СТАРУШЕНЦИЯ. С чувством о бессоннице? Попробую. Только ты, Василиса, не перебивай меня. (С чувством.) Когда началась Великая отечественная война 1941-1945 годов с ненавистой фашисткой Германией, весь советский народ грудью встал на защиту любимой Родины!...

ВАСИЛИСА. Ну, как вас тут не перебить?! Неужели нельзя покороче? Вы же не одна у нас такая больная... темпераментом.

1-я СТАРУШЕНЦИЯ. Если короче, будет непонятно.

ВАСИЛИСА. Не надо принимать профессора за тупого, он может поставить совсем другой диагноз.

1-я СТАРУШЕНЦИЯ. Короче так короче. Короче говоря, сбежала я на фронт, стала радисткой-разведчицей. Как только стала, сразу сбросили меня с

парашютом прямо в лапы к фашистам, по ошибке. Как они меня пытали! Но самое обидное, я им все секреты выдала!

ВАСИЛИСА. Под пытками и я бы выдала. И даже профессор.

1-я СТАРУШЕНЦИЯ. Под пытками я молчала, немой прикидывалась. А вот когда уснула, всё фашистам проклятым и выболтала, во сне-то: и шифр, и имена, и явки – всё! Немцы от радости заменили мне расстрел на концлагерь на Колыме.

ВАСИЛИСА. Совсем стала заговариваться. Где связь: немцы и Колыма?

1-я СТАРУШЕНЦИЯ. Просила короче, вот ничего и не понимаешь. Немцы вместо расстрела сбросили меня над Москвой со словами: “Наказание будешь отбывать на Родине, мы со Сталиным уже договорились”. Я думала они так шутят, фашисты всё-таки. Куда там?! Десять лет на Колыме отпахала. Там и бессонницу заработала.

КУДЫШНЫЙ. А бессонница, откуда взялась? На Колыме, после тяжкого труда, даже стоя спали.

1-я СТАРУШЕНЦИЯ. Так мне же колымское начальство сразу заявило: “Мы тебе покажем, как спать на службе в тылу врага, да ещё в плену! Мы у тебя желание поспать вмиг отобьём!” И отбили. С тех пор и не сплю.

ВАСИЛИСА. Лучшее средство от бессонницы, это поработать ночным дежурным, как я.

1-я СТАРУШЕНЦИЯ. Мне, милый доктор, ни порошки сонные не помогают, ни уколы. (Достаёт упаковку лекарств.) Хотите, всю эту пачку сглотну, а сна не будет ни в одном глазу!

ВАСИЛИСА. А ну отдайте! (Отбирает лекарство.) Откуда у вас столько лекарств, это же смертельная доза?!

1-я СТАРУШЕНЦИЯ. Родственники приносят, они у меня добрые. «Пей, - говорят, - бабуля, сколько хочешь, пока не уснешь, наконец. Нам, - говорят, - никаких денег не жалко, лишь бы ты поскорее уснула.» И вправду, во сне ведь живётся куда лучше, чем в жизни: везде побывать можно, всё посмотреть, со всеми пообщаться, даже с усопшими. Во сне как-то интереснее бывает, веселее. Некоторые даже не радуются просыпанию.

КУДЫШНЫЙ. Ну что ж, держать внимание умеете, взгляд приковываете... специалиста по бессоннице.

1-я СТАРУШЕНЦИЯ. Может, хоть вы сможете усыпить меня.

КУДЫШНЫЙ. Усыпить я могу любого. Только вы мне нужна живая... брр... бодрствующая. (Взглянул на часы.) Время нас поджигает, давайте ближе к делу. Скажите, пожалуйста, вы в театре сколько лет проработали?

1-я СТАРУШЕНЦИЯ. Всю жизнь после Колымы в одном театре так и проработала.

КУДЫШНЫЙ. Звание имеете?

1-я СТАРУШЕНЦИЯ. Имею, младший сержант запаса.

КУДЫШНЫЙ. Я спрашиваю о театральном звании, может вы заслуженная артистка, а может даже народная?

1-я СТАРУШЕНЦИЯ. А кто мне это звание даст, я же не артистка.

ВАСИЛИСА. Вот те на, а кто?! Вы в каком театре работали?

1-я СТАРУШЕНЦИЯ. В анатомическом, препаратором. Скольким я там косточки перемыла.

КУДЫШНЫЙ. Так вы не артистка?

1-я СТАРУШЕНЦИЯ. А с какой кстати?! У меня раскрашенная такая артистка из музыкальной комедии мужа-фронтовика увела! С той поры я их работу лютой ненавистью ненавижу!

КУДЫШНЫЙ. Очень жаль, у вас ярко выраженные актёрские способности.

1-я СТАРУШЕНЦИЯ. Да я лучше удушусь, чем артисткой какой-нибудь сделаюсь!

За дверью слышны шум, голоса.

ВАСИЛИСА. О, “мертвый час” закончился. Сейчас я настоящую артистку притащу. А эта старушенция я не знаю, как сюда попала! (Уходит.)

КУДЫШНЫЙ. Действительно, как вы попали в Дом ветеранов сцены?

1-я СТАРУШЕНЦИЯ. Так здесь же мой племянник работает менеджером по хозяйству. Он любого сюда устроит, хоть депутатку, хоть бомжиху. Заплати вперед и живи. А я так вообще ничего не платила, только квартиру на племянника переписала и всё. Слушайте, доктор, давайте я вас сюда пристрою, вы так плохо выглядите. А мы вас здесь откормим, подлечим.

КУДЫШНЫЙ. Благодарю за предложение, но сегодня я и сам кого хочешь и откормлю и подлечу. И даже смогу осчастливить! Очень жаль, что вы не артистка. Ну, как говорится, привет правнукам!

1-я СТАРУШЕНЦИЯ. До свидания. (У двери.) Простите, а усыплять когда будете? Назовите день, я запишу.

КУДЫШНЫЙ. Зачем вам спать?! Настоящая жизнь только ночью и начинается: ночные клубы, тусовки, подпольные казино, женщины. Мне бы вашу болезнь! Я бы днем зарабатывал на ночную жизнь сумасшедшие деньги, потому как я кинорежиссёр, а не какой-то там эскулапишко, а ночью эту жизнь прожигал! Выспаться мы всегда успеем, впереди вечный сон!

1-я СТАРУШЕНЦИЯ. О, господи, страсть-то какая!

КУДЫШНЫЙ. Ой, простите, пожалуйста. Откуда у меня такие слова взялись, ума не приложу! Вспомнил! Это монолог моего героя из моего же фильма.

1-я СТАРУШЕНЦИЯ. Так вы врач, кинорежиссёр... или кто?

КУДЫШНЫЙ. Кинорежиссер! Мне срочно нужна старенькая артистка на роль в моём фильме, вот почему я и здесь. Вы не артистка, мне незачем от вас это скрывать. Но я должен сказать, в вас умерла прекрасная артистка!

1-я СТАРУШЕНЦИЯ. Ну умерла, так умерла, другие найдутся, у нас их много.

1-я СТАРУШЕНЦИЯ уходит. Василиса вводит 2-ю СТАРУШЕНЦИЮ.

2-я СТАРУШЕНЦИЯ. Врач, говоришь? Вот этот плюгавенький? Опять, небось, бесплатный. Бесплатный пусть бюджетников лечит-калечит. А у меня денег - дней десять в платной клинике продержаться смогу! И на каждом пальце бриллиант! Я ночью без фонарика гуляю, так блестят. Убавь глаза - они фальшивые, мне их недавно подменили.

ВАСИЛИСА. Платный он, Элеонора Марковна, по глазам видно.

2-я СТАРУШЕНЦИЯ. Платные ещё хуже бывают, коновалы. Мою внучатую племянницу вот такой же платный коновал одной ногой чуть в могилу не поставил. "Я профессор, я Оксфорд окончил..." Шофёром оказался на "скорой помощи", подзаработать хотел.

ВАСИЛИСА. Это тоже профессор, Элеонора Марковна, но настоящий.

2-я СТАРУШЕНЦИЯ. А почему он молчит, даму не встречает?

ВАСИЛИСА. Не отвлекайте его, он вас уже давно лечит, от самого порога. Методика у него такая, бессловесная. Зато, обратите внимание, как он вас разглядывает, с каким пристрастием!

2-я СТАРУШЕНЦИЯ. А он, по какой части будет, уж не гинеколог ли? А то у меня в последнее время... (Начинает раздеваться.)

ВАСИЛИСА. Он не гинеколог, Элеонора Марковна, к сожалению. Он этот... психотерапевт. Так что дальше раздеваться смысла нет.

2-я СТАРУШЕНЦИЯ. Не гинеколог, а симпатичный, если приглядеться.

Входит ХЛЕБУШКИН.

ВАСИЛИСА. Хлебушкин, вы пять минут назад как объятия раздвинули!

Хлебушкин замечает полураздетую 2-ю Старушеницу.

ХЛЕБУШКИН. Элеонорочка, я не верю своим глазам, ты опять с другим?! Вот те здрасьте!

КУДЫШНЫЙ. Здравствуйте!

2-я СТАРУШЕНИЦА. Ни минуты покоя, ни минуты личной жизни! Этот Хлебушкин, господин профессор, никого к моему телу не подпускает, "телохранилель"! (Хлебушкину.) Это не мужчина, это гинеколог. У нас плановый осмотр, мы же бабы. Я тебе, где свидание назначила?

ХЛЕБУШКИН. В бане, в парилке.

2-я СТАРУШЕНИЦА. Вот и иди в баню! Пока доковыляешь, пока разденешься, пока приготовишь массажный инструмент... - глянешь, а я уже тут как тут, рядышком. Ну, давай-давай, ползи понемногу, я скоро. (Выпроваживает Хлебушкина.) Этот Хлебушкин мой Отелло, только белый. Нахал несусветный! А вы, профессор, скромненький, это в моем вкусе. (Представляется.) Элеонора Марковна.

КУДЫШНЫЙ. Профессор Кудышный, психотерапевт.

2-я СТАРУШЕНИЦА. Скажу вам честно, меня уже лечил психотерапевт, тоже профессор, тоже симпатичный. А лечил он меня почему-то то ли от сглаза, то ли от порчи, теперь уж и не помню. Но, то ли я его сглазила, то ли он меня испортил - эффекта никакого! Как я понимаю дальше раздеваться нет смысла?

ВАСИЛИСА. Смысл есть - одеться. Профессор вас вылечит, хоть все шубы на себя напяльте. Это же медицинское светило!

2-я СТАРУШЕНИЦА. Светило? Ваша фамилия мне, к сожалению, ни о чём не говорит.

КУДЫШНЫЙ. И не скажет, это псевдоним. Меня больные так "достали", что я вынужден скрывать свою фамилию и даже профессию. Я, медицинское светило, всем и везде вынужден нагло утверждать, что я простой кинорежиссёр! Вам, актрисе с большой буквы, не составит труда меня раскусить: ну какой из меня к чертовой бабушке кинорежиссёр?! Но если бы я был кинорежиссёром, как актриса вы бы меня очень заинтересовали! У вас безумно фотогеничное лицо: одни морщины чего стоят, а какие неувядаемые, будто нецелованные губы, а какой огромный гоголевский нос!...

2-я СТАРУШЕНЦИЯ (подыгрывает). ... который я везде совала! Оставим это, профессор, давайте лучше вернемся к моей болячке.

КУДЫШНЫЙ. Честно говоря, ваша болячка меня совершенно не беспокоит.

2-я СТАРУШЕНЦИЯ. Нет уж простите, почему это моя болячка вас совершенно не беспокоит? Зачем же вы к нам явились? Покажите-ка мне ваши документы, лицензию.

ВАСИЛИСА. Все документы в порядке, я лично трижды проверяла. Везде черным по белому написано: профессор, психотерапевт.

2-я СТАРУШЕНЦИЯ. Покажите ваши документы, я хочу видеть их своими глазами.

ВАСИЛИСА. Все документы на хранении у Вышкина, во внутреннем кармане. Элеонора Марковна, вы же знаете, как у нас в последнее время натаскались воровать! У вас вчера пропал антикварный носовой платок? Пропал!

2-я СТАРУШЕНЦИЯ. С концами!... Ну хорошо, предположим документы у вас в порядке. К тому же их и купить можно и подделать. Тогда скажите мне, профессор, вы можете вылечить склерополишизоневрофобию?

ВАСИЛИСА. Даже я знаю, такой болезни и в помине нет!

2-я СТАРУШЕНЦИЯ. Как же нет, если я ею болею.

ВАСИЛИСА. Да нет такой болезни! Есть гонорея, сифилис, СПИД на худой конец. А такой болезни как у вас – нет!

КУДЫШНЫЙ. Есть, Василиса, есть. Недавно появилась, из Папуа-Северная Гвинея завезли. Я этой болезнью, уважаемая Элеонора Марковна, сам себя заразил, а затем вылечил, правда, как видите не до конца.

2-я СТАРУШЕНЦИЯ. Значит она излечима?

КУДЫШНЫЙ. Вполне. Я вас вылечу, если вы, конечно, хорошая артистка. Вы-то, надеюсь, артистка?

2-я СТАРУШЕНЦИЯ. Обижаете, я же в Доме ветеранов сцены.

КУДЫШНЫЙ. Тогда расскажите мне свою биографию, только сугубо творческую. При этом постоянно представляйте, будто я кинорежиссёр, который якобы хочет предложить вам сыграть главную роль.

2-я СТАРУШЕНЦИЯ. Это ваш способ лечения склерополишизоневрофобии? Прекрасный способ! Лечимся!

КУДЫШНЫЙ. Скажите, пожалуйста, какие роли в театре вы больше всего любили?

2-я СТАРУШЕНЦИЯ. Больше всего в театре я любила мужчин, потому что они меня всегда любили. Но это так, к слову. Что же касается ролей, у меня с каждой ролью, пусть даже крохотной, очень много связано... болезней.

КУДЫШНЫЙ. Вот вы о них и расскажите.

2-я СТАРУШЕНЦИЯ. Обо всех болезнях?

КУДЫШНЫЙ. О ролях! О главных.

2-я СТАРУШЕНЦИЯ. Так у меня же все роли и болезни очень тесно переплелись. Вот помню, - по молодости я была такой же красавицей, - очень долго Снегурочку играла, лет до сорока. Куда меня только не приглашали на ёлку: и в обкомы-исполкомы, и в посольства-резиденции, и к генералам-адмиралам. Так меня все любили! В конце-концов наградили.

ВАСИЛИСА. Медалью? Орденом?

2-я СТАРУШЕНЦИЯ. Ну ты и глупенькая. Чем мужики бабу “наградить” могут? (Шепчет Василисе на ухо, та поражена.) Целый год лечилась. В театре, разумеется, пронюхали. Дошло до того, что актёры отказывались играть со мной в любовных сценах. Пришлось сменить театр. И что вы думаете, с первой же ролью мне ужасно не повезло! Я играла Джульетту и так в роль вошла, не могу из неё выйти и всё! После спектакля, дома одно твержу: “Мама, мой возлюбленный мертв, значит и я должна умереть!” Не могла выйти из роли – хоть убей! Вот так я в роль вживаюсь, якобы кинорежиссёр! Сейчас, конечно, смешно, а тогда... Тогда я со словами: “Мы должны умереть в один день!” – сиганула с балкона. И разбилась!

ВАСИЛИСА. Но почему не насмерть?

2-я СТАРУШЕНЦИЯ. Если бы насмерть, это было бы полбеды. А тут: морда всмятку, одна рука сюда смотрит, другая – туда, ноги вообще каким-то колесом. Меня мать родная не узнала! Выскочила на улицу и спрашивает, у меня-то: “Вы мою дочь не видели?” С тех пор, какая из меня героиня? Пришлось стать характерной актрисой. Киношники тут же утвердили на роль одной невзрачной опустившейся бабы.

ВАСИЛИСА. Бабы-яги?

2-я СТАРУШЕНЦИЯ. Даже пострашнее. Другие актрисы отказывались, а мне выбирать не приходилось. Я столько страхолодин переиграла! Даже сам Феллини роль предложил. Ну а тогдашний мой сожитель ультиматум мне поставил: или сделай пластическую операцию, приведи своё лицо и тело в порядок или, говорит, брошу. Он ведь со мной только ночами встречался, в Свет

не выходили. Женюсь, говорит, только после пластической. Я и поверила, дура. Да и Феллини приятно удивить захотелось. На чём я остановилась?

ВАСИЛИСА. На сожителе.

2-я СТАРУШЕНЦИЯ. Ага. Легла я, значит, в клинику. Сделала с собой всё, что позволял тогдашний современный уровень: лицо полностью отреставрировала, здесь отрезала, здесь добавила, тут подтянула, руки-ноги на место поставила. Ноги ровненькие стали, как палочки. Посмотрите, палочки ведь? Палочки.

ВАСИЛИСА. Как у балерины.

2-я СТАРУШЕНЦИЯ. Денег вбухала! Но вышла писаной красавицей. Верите или нет, после клиники меня мать родная не узнала, вторично. Только по голосу и определила. Голос мне в клинике наотрез отказались менять. Присмотритесь, видите неувядаемую красоту?

ВАСИЛИСА. Что-то не разглядеть вашу красоту. Может вы её гримом зашпаклевали?

2-я СТАРУШЕНЦИЯ. Ах да, я же накрутилась, у меня свидание, в этой самой бане. После свидания всё смою, тогда и увидите меня, как говорится, во всей красе. На чём я остановилась?

ВАСИЛИСА. На сожителе.

2-я СТАРУШЕНЦИЯ. Ага. После пластической - сожителя пинком! Все мужики мои! Только вот жаль, Феллини, когда прилетел, как заорёт: “Что это вы с собой натворили?! Вы себя изуродовали, вы погубили образ!” И в ужасе в свой самолет – только его и видели! Мне потом объяснили, ему всякие актёры-уродцы нужны были. Ну и фиг с ним! Зато я замуж вышла, кстати, за врача, который мне в клинике губы делал вот эти. С любовью сделаны, вот вам и понравились. В театр устроилась академический, роль главную получила. И опять не повезло, на меня такой груз свалился!

ВАСИЛИСА. Груз ответственности, тут я вас понимаю.

2-я СТАРУШЕНЦИЯ. Груз безответственности! Рабочий сцены плохо закрепил груз на колосниках над сценой. А на сцене у меня диалог с партнером-любовником. Партнер: “Муж твой **знал**, что я в шкафу! Это **ты** выдала меня!” А я ему таким басом: “Нет, муж не знал! Он свалился как снег на голову!” Тут груз и свалился прямо мне на голову!

ВАСИЛИСА. Ну а на этот-то раз, почему не насмерть?!

2-я СТАРУШЕНЦИЯ. Чудо спасло в форме каски. Я в каске была, бетонщицу играла. Но сотрясение мозга всё же получила, да ещё какое! Стала отдельные

слова в роли как-то по-разному трактовать. Один только пример. Мне по роли нужно ребёночку тихо сказать – ”Помаши нам”, имелось в виду ручонкой, а я

как заору – “По ма-ши-нам!”, по грузовикам, мол, рассаживайтесь. Ужас!

Ну как, якобы кинорежиссёр, я вам нравлюсь?

КУДЫШНЫЙ. Процесс лечения идёт полным ходом.

ВАСИЛИСА. Только не отвлекайтесь на разных там сожителей.

2-я СТАРУШЕНЦИЯ. Профессор, у меня что ни роль, то болезнь. Помню, однажды в яму свалилась!

ВАСИЛИСА. У нас всегда так: понароют ям, а зарыть забывают. Яма глубокой была?

2-я СТАРУШЕНЦИЯ. Яма была оркестровой. Есть в театре, Василиса, такая яма.

КУДЫШНЫЙ. Но это же не профессионально, не заметить оркестровую яму?

2-я СТАРУШЕНЦИЯ. Яму я видела, но у меня во рту был текст: “Вперед! За Родину! За Сталина! Вперед!” После таких слов остановиться перед какой-то там ямой невозможно! Всем актёрским составом в неё ухнули!

ВАСИЛИСА. Вы хотите сказать, что и на этот раз не насмерть? Позвольте вам не поверить!

КУДЫШНЫЙ. Действительно, что вас на этот раз спасло?

2-я СТАРУШЕНЦИЯ. Барабан. Я на барабан грохнулась. Шуму было...

ВАСИЛИСА. И что вы на этот раз сломали?

2-я СТАРУШЕНЦИЯ. Вы не поверите, только одни палочки.

ВАСИЛИСА. Не надо так говорить о ногах, это не эстетично.

2-я СТАРУШЕНЦИЯ. Я сломала барабанные палочки, у барабанщика.

ВАСИЛИСА. И всё?! Мне как не верилось, так и не верится, до обидного!

2-я СТАРУШЕНЦИЯ. Тут же из театра вышвырнули, по идеологическим соображениям: как же: “Вперед! За Родину! За Сталина!”... и в яму, как в могилу.

За дверью слышны шум, голоса.

ВАСИЛИСА. Они там озверели, что ли?! Я отлучусь на минутку. (Уходит.)

КУДЫШНЫЙ. Скажите, а какую бы вы хотели сыграть роль из наших современниц?

2-я СТАРУШЕНЦИЯ. Станный у вас метод лечения.

КУДЫШНЫЙ. Зато безболезненный.

2-я СТАРУШЕНЦИЯ. Я бы так не сказала, вы будто скальпелем прошлись по моей душе. Какую бы я хотела сыграть роль? Да любую! Хотя нет, не любую, а жизнеутверждающую! Мне даже кажется, если бы я сегодня получила роль, я бы выздоровела! Может и в правду вы выбрали верный способ лечения.

КУДЫШНЫЙ. Уверю, у вас есть шанс получить кинороль.

2-я СТАРУШЕНЦИЯ. Очень бы хотелось в это верить. Благодарю вас, профессор, за поддержку, пусть и моральную. Можно я вас за это поцелую?

2-я Старушенция целует Кудышного. Входит Хлебушкин.

ХЛЕБУШКИН. Элеонорочка, я перевернул всю баню, а тебя нигде нет. Боже мой, я не верю своим глазам! Вот почему вы выставили Василису.

2-я СТАРУШЕНЦИЯ. Дорогой мой, потерпи, дай нам кончить.

ХЛЕБУШКИН (сникает). Я так и до инфаркта не доживу.

2-я СТАРУШЕНЦИЯ. Вы бы только знали, как мне надоели все эти мужики! Завтра же всё брошу и уйду в монастырь! (Указывает на Хлебушкина.) Но разве такого бросишь, он же не переживет, он такой хлипкий. (Хлебушкину.) Пошли, бедолага. (У двери.) Смотри-ка, один сеанс, а как полегчало. Спасибо, профессор!

2-я Старушенция и Хлебушкин уходят. Входит Василиса.

ВАСИЛИСА (о 2-й старушенции). Не подошла? Ну и фиг с ней! Вы бы знали, что творится за дверью! Первая старушенция, вот балаболка, вас заложила! Теперь все знают, что вы не врач, а кинорежиссёр! И теперь сюда рвутся все кому не лень! И не только старухи, но и старики. Особенно рвется Вышкин. Я стала закрывать вас на ключ, если сюда кто и войдет, то только с моего ведома. Я-то знаю, кто из них прирожденные артистки, они мне такие сцены устраивают!

Василиса уходит. Невесть откуда появляется Хлебушкин. В руках у него портфель.

ХЛЕБУШКИН. Прошу прощения, но это опять я.

КУДЫШНЫЙ. Как вы сюда проникли, я же под замком?

ХЛЕБУШКИН. Ходы знаю. (Представляется.) С нескрываемой любовью к кинорежиссёрам, бывший провинциальный актёришка Хлебушкин Иван Тихонович. Можно просто – Ванька!

КУДЫШНЫЙ (представляется). Кинорежиссер Кудышный. Скрывать это уже просто глупо. Погодите, а на кого вы оставили Элеонору Марковну?

ХЛЕБУШКИН. Элеонорочка в надежных руках моего друга-женоненавистника. Уважаемый господин Кудышный, лучшего исполнителя любой роли вам просто не отыскать! Если не верите моим словам, поверьте своим глазам. В этом портфеле видеозаписи спектаклей, репертуарные листы, рецензии известнейших критиков...

КУДЫШНЫЙ. Мне очень жаль, уважаемый Ванька... брр... Иван Тихонович, но я не старичка подыскиваю, а старушку.

ХЛЕБУШКИН. Так я за неё и пришел похлопотать, за Элеонору Марковну! Уверяю вас, её талант одолеет любую роль. Поверьте старому актёрскому волку, я в театральных делах собаку съел. Как она блистала на сцене! Верите или нет, каждый её выход на сцену сопровождался бурей аплодисментов, да такой - кулисы раскачивались! Но как только начинал звучать её бархатно-нежный голосок, воцарялась такая тишина – суфлёра было слышно даже на галёрке! И совсем уж небывалое дело, но это не раз я видел своими глазами, после антракта **прибавлялось** зрителей!

КУДЫШНЫЙ. Может транспорт плохо работал: пока зритель добирался до театра – первого действия как не бывало!

ХЛЕБУШКИН. Вы хотите её развенчать? А чем, интересно, вы можете объяснить такое неоспоримое явление: после спектаклей её приходилось всей труппой буквально откапывать из цветов!

Входит Василиса. Она немного навеселе. В руках у Василисы поднос с едой.

ВАСИЛИСА. Хлебушкин, вы здесь?! А Элеонора Марковна там, в чужих руках трепещет! Спешите, а то уведут.

ХЛЕБУШКИН. Я никуда отсюда не уйду, пока моя Элеонорочка не получит роль. (Вручает портфель Кудышному.)

КУДЫШНЫЙ. Иван Тихонович, позвольте мне довести этот кастинг до его естественного конца.

ХЛЕБУШКИН. В таком случае, я объявляю забастовку, сидячую.

ВАСИЛИСА. Ага, набегались, ноги устали. Ну посидите, посидите, немного. Уважаемый профессор кино, наши старушечки догадались преподнести вам вот этот скудный, но праздничный обед, состряпанный своими руками. (Ставит перед Кудышным поднос с едой.) А я осмелюсь поставить вам бутылочку. (Ставит перед Кудышным бутылку со спиртным.)

КУДЫШНЫЙ. А ты меня не траванешь, как олигарха друзья-могильщики?

ВАСИЛИСА. А нет никакой выгоды, вы же кинорежиссёр, человек нам нужный. Здесь спирт, настоящий медицинский, я его только что на себе проверила. Два месяца по каплям копила, на всякий непредвиденный случай. Вот он и представился.

КУДЫШНЫЙ. Но я вроде как на работе...

ВАСИЛИСА. А я вроде как нет? Да мы по двадцать граммов. За ваше драгоценное здоровье! (Пьют. О Хлебушкине.) Надо же, сидит как памятник. Хлебушкин, ваша Элеонорочка ни под каким соусом не получит эту роль, у неё одно на уме – любовь! А вы лишаете её и этого.

ХЛЕБУШКИН. В таком случае, я объявляю ещё и голодовку!

ВАСИЛИСА. Ага, проголодались, надеетесь на принудительное кормление? Не получится, памятники не кормят. Надо же так опуститься: памятник из самого себя себе у меня для вас поставить! У меня есть повод ещё выпить: я должна раскрыть вам страшную военную тайну, иначе совесть меня совсем сгложет. Давайте выпьем по пятьдесят граммов для моей храбрости.

КУДЫШНЫЙ. Для твоей храбрости надо по сто граммов. (Пьют.) Раскрывай свою тайну, пока под хмельком.

ВАСИЛИСА. Мне очень стыдно в этом признаться, но патриотический стишок и патриотическую песенку, которые я вам так самозабвенно исполняла, сочинила совершенно не я!

КУДЫШНЫЙ. Столько времени об этом молчать, носить в себе, это ужасно!

ВАСИЛИСА. Стишок, и песенку сочинил для меня сам товарищ Вышкин! Но я искуплю вину перед вами, за мной подарок на ваш юбилей! (Пьют.) Всё, завесу тайны сбросила, можно и повеселиться!

КУДЫШНЫЙ. Да погоди ты балдеть, объяви перерыв, там же люди томятся!

ВАСИЛИСА. Слушаюсь! (В дверь.) По случаю послеобеденного “мёртвого часа” нашего Высокого гостя, торжественно объявляю перекур! Говоря театральным языком – антракт! (Кудышному.) Вы обратили внимание, как

естественно, как убедительно, как, наконец, артистично я объявила
обыкновенный перерыв. Я – гениальная актриса!

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ (СЕРИИ)

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Дом ветеранов сцены. На этот раз прямо за столом спит
Кудышный. Неподалёку неподвижно сидит бастующий
Хлебушкин. За дверью шум, голоса.

ГОЛОС ВАСИЛИСЫ. Прошу тишины, перерыв закончен! Представьте, что вы
находитесь в театре при исполнении, иначе устрою очередь в меру вашей
испорченности!

За дверью наступает тишина.

КУДЫШНЫЙ (проснувшись). Тишина какая-то... откуда-то. Где это я?

ХЛЕБУШКИН. Всё там же, в Доме ветеранов сцены.

КУДЫШНЫЙ. Ах да, это Дом ветеранов сцены. Ну и слава богу, а то такое
померещилось!... Я что, уснул?

ХЛЕБУШКИН. Сморились, после обильной еды и спиртного питья.

КУДЫШНЫЙ. Угроздило же, в такое неурочное время. У меня ощущение,
будто я сонных таблеток наглотался.

ХЛЕБУШКИН. Их могли вам подмешать в еду или спирт. Есть у нас некто по
фамилии Вышкин. Покомандовать любит, даже напакостить. “Это я вас так
развлекаю!” – говорит. Моей горячо любимой Элеонорочке соли в чай насыпал.
А ведь мог и яд в ухо влить. А вы ей роль пожалели.

ГОЛОС ВАСИЛИСЫ. Вышкин, имейте мужскую совесть! Ваша очередь, бабуля.
Да-да, вот вы с тросточкой, проходите!

Входит, пошатываясь, согбенная старушка с тросточкой. Это Василиса, одетая и загримированная под старушку.

ВАСИЛИСА. Можно пройти, если я к вам попала?

КУДЫШНЫЙ. Пожалуйста, проходите и сразу садитесь, вас шатает.

ВАСИЛИСА. Я шатаюсь от старости, а не от чего-нибудь там. Я прослышала от Василисы, режиссер у нас объявился, артистку днём с огнём никак не сыщёт, погрязшую в годах. Вот я и зашла по дряхлости.

КУДЫШНЫЙ. Сколько же вас лет, бабуля?

ВАСИЛИСА. Восемьдесят три пока что. Мало? Если мало, через девять месяцев восемьдесят четыре стукнет. И до сих пор артистка. Меня Василиса из всех дряхлых артисток откопала. Разглядела, голубушка, мой несравненный талант!

ХЛЕБУШКИН. Вас разглядела, а Элеонорочку, с её сногшибательным талантом, в упор не видит, так получается?

ВАСИЛИСА. Никому мой талант не нужен, кроме Василисы.

КУДЫШНЫЙ. И кроме меня.

ВАСИЛИСА. Кому-кому, а вам отказать язык не поворачивается. Самородок я, с пелёнок. Повитуха, когда выронила меня из своих неуклюжих заскорузлых рук, тут же на мой больной крик запричитала: "Ой-ой-ой, какая же ты артистка!"

ХЛЕБУШКИН. Вы слышали, повитуха – провидица! Вы меня рассмешили. Жаль, Элеонорочка не может над вами посмеяться.

КУДЫШНЫЙ. Ну а кроме Василисы и повитухи ещё кто-нибудь смог разглядеть ваш талант?

ВАСИЛИСА. А как же! Костя разглядел... Станиславский! Он меня в актрисы-то и благословил.

КУДЫШНЫЙ. Сам Станиславский?! Это весома заявка на роль.

ХЛЕБУШКИН. Сам Станиславский? Сколько же вам тогда лет-то было?

ВАСИЛИСА. Маловато.

ХЛЕБУШКИН. А мы сейчас посчитаем. Если вам стукнуло восемьдесят три, то в середине тридцатых, перед самой смертью Станиславского, вы были совсем ребёнком!

ВАСИЛИСА. Была. Станиславский сначала погладил меня по головке, а потом, в гроб сходя, благословил. Не надо ко мне привязываться, вам что, Элеонорки мало?! Тоже мне, режиссер нашёлся!

КУДЫШНЫЙ. И в каком же вы театре работали, благословенная?

ВАСИЛИСА. В большом.

КУДЫШНЫЙ. В Большом? Значит вы либо певица, либо балерина?

ВАСИЛИСА. Не принижайте мою роль, я – актриса драматическая.

ХЛЕБУШКИН. И в Большом?!

ВАСИЛИСА. В большом... по размеру. А в каком именно, при забастовщике объяснять не намерена, сглазит.

КУДЫШНЫЙ. Впрочем, это не важно в каком театре вы работали, когда на это поприще вас сам Станиславский благословил! Скажите, вы смогли бы сыграть долго и мучительно умирающую престарелую особу?

ВАСИЛИСА. Всю жизнь только об этом и мечтала!

ХЛЕБУШКИН. Что-то я эту особу у нас в Доме не замечал.

ВАСИЛИСА. Вы никого не замечаете, кроме своей Элеонорки. Ну и что вы на меня так уставились?! Новенькая я, новенькая! Свеженькая, вчера только завезли.

КУДЫШНЫЙ. А можно несколько неожиданный, скорее даже непристойный вопрос: вы смогли бы сыграть девушку?

ВАСИЛИСА. Ещё талантливее, чем старуху! Но вас же старуху подавай, такую как я!

КУДЫШНЫЙ. А я вас омоложу!

ВАСИЛИСА. Зачем?! Я согласно быть сама собой, старухой! Я смирилась.

КУДЫШНЫЙ. И все-таки я доставлю вам это маленькое удовольствие, я омоложу вас! По мановению вот этой волшебной палочки.

Кудышный берет трость у Василисы и сдергивает с Василисы “старческую” одежду, парик и прочее.

Ба, да вы просто Василиса Прекрасная!

ХЛЕБУШКИН. Вот так метаморфоза: пришла к нам тихая, скромная, бездарная – и так перевоплотилась!

КУДЫШНЫЙ (Василисе). Зачем тебе этот маскарад?

ВАСИЛИСА. А что мне еще остается?! Служба заканчивается, скоро дембель. А у меня ни профессии нормальной, ни дома своего, ни мужа хоть какого-нибудь.

Одна радость – вы! Так вам старуху подавай! Вот я и вырядилась... подарком на ваш юбилей!

ХЛЕБУШКИН. Да ты не хандри, Василиса! Если даже я тебя не узнал – тебе прямой путь в театральную академию, сразу на второй курс!

КУДЫШНЫЙ. Он прав, ты будешь незаменимой травести!

ВАСИЛИСА. А что это такое? Это хоть живое, не трава?

ХЛЕБУШКИН. Травести – это молодая актриса, играющая роли маленьких мальчиков.

ВАСИЛИСА. До самой смерти?

ХЛЕБУШКИН. До определенного возраста.

КУДЫШНЫЙ. Так и быть, в моём фильме ты сыграешь микроскопическую роль одного сопливого шпанёнка.

ВАСИЛИСА. И на том спасибо.

Входит Вышкин.

ВЫШКИН. Прошу прощения, что я не старуха!

ВАСИЛИСА. Это Вышкин, он дверь взломал.

ВЫШКИН. Да, имя у меня нашумевшее, Вышкин! Но далеко не Вышинский, о чём я несколько не жалею, поздно. (Кудышному.) Дорогой мой человек, распните меня, я поначалу принял вас за обезумевшего террориста! Пришлось ретироваться поближе к правоохранительным органам. Неужели вы не могли схватить меня за грудки, встряхнуть, и ласково так прошептать: “Какой я к чёрту террорист?! Я совершенно ручной, безопасный кинорежиссёр!” И всё бы стало на своё место.

КУДЫШНЫЙ. Да, я кинорежиссёр. А вы здесь кто?

ВЫШКИН. Я потомственный отпрыск известной высокопоставленной армейской династии! Родившись в армейских кругах, я был просто обречён стать кадровым военным! Но всё, чего я смог достичь в жизни, это пропеть и проплясать её в военной форме. Но у меня ещё теплится надежда хотя бы в кино сыграть кадрового военного! Но только не ниже генерал-майора.

КУДЫШНЫЙ. Выходит, вы решили похлопотать за самого себя?

ВЫШКИН. Я хлопочу не за себя, а за престиж армии!

ВАСИЛИСА. Но ему же нужна старуха.

ВЫШКИН. Какая для кино половая разница: старик или старуха? Вот ты сама кто? Ты баба, а служишь здесь за чужого мужика!

ВАСИЛИСА. Не за чужого мужика, а за родного брата.

ВЫШКИН. Ты мне не возражай, я могу тебя и послать... назад в регулярную армию, в штрафбат! У меня на тебя вот такое досье. А ну – смирно! Кру-гом! Шагом марш... к своим горшкам!

ВАСИЛИСА. Слушаюсь.

КУДЫШНЫЙ. Василиса, стоять! Товарищ Вышкин, не надо хоть здесь-то разводить «дедовщину».

ВЫШКИН. Да это у меня шутки такие, солдафонские. Я не так страшен, как меня малюют. Это я их так развлекаю, здесь же скукота! Успокойся, Василиса, расслабься, можешь даже поспать. Я же тебя люблю, дурашка!

ХЛЕБУШКИН. Воистину, от ненависти до любви один шаг.

ВЫШКИН (Заметил Хлебушкина). Хлебушкин, ты как всегда мне мешаешь!

КУДЫШНЫЙ. А мне он не мешает: сидит неподвижно, еду не ест, спирт не пьёт, говорит только наболевшее. Комплексная забастовка!

ВЫШКИН. Тихоныч, давай-ка стряхивай пыль с ушей, и на передовую любви!

ХЛЕБУШКИН. А я уже на ней, передовее некуда.

ВЫШКИН (Кудышному). Простите, опять увлекся развлечением. А вы, я вижу, от этих старух устали: у вас притуплено внимание, кончается терпение, теряется вера. В таком состоянии немудрено даже мой талант проглядеть. Если вам нужна глыба, матёрый актёрище - он перед вами!

ХЛЕБУШКИН. Ему не матёрая глыба нужна, а божий одуванчик, такой как Элеонорочка.

ВЫШКИН. Опять старая песня. (Кудышному.) Долго ли сценарий перелопатить, верно?

КУДЫШНЫЙ. Товарищ Вышкин, позвольте мне всё-таки попытаться отыскать старушку.

ВЫШКИН. Ну что ж, попытка не пытка, и на старуху бывает проруха. Я пока поболтаюсь там, за дверью, поразвлекаю кое-кого. Понадобится матёрая глыба - свистните, себя не заставлю я ждать!

Вышкин уходит. Входит 3-я СТАРУШЕНЦИЯ. В руке у неё бутафорский пистолет.

3-я СТАРУШЕНЦИЯ (неожиданно и громко). Слушай ты, ничтожество, возомнившее себя Великим, зачем ты к нам явился?! Зачем ты лезешь в наши и без того больные души?! Хочешь их постичь?! А может, поработить?! Убирайся из нашей жизни, иначе я лишу тебя твоей! Считаю до трёх: раз... два...

Кудышный невольно пятится к двери.

Куда же вы?! Это монолог из пьесы “От тела!”

КУДЫШНЫЙ. Как вы меня напугали, я вам поверил!

ХЛЕБУШКИН. Она прекрасная артистка, лучше её только Элеонора Марковна.

3-я СТАРУШЕНЦИЯ. Иван Тихонович, бастуешь себе – и бастуй! В тряпочку.

КУДЫШНЫЙ. Погодите, я хоть и не семи пядей во лбу, но в пьесе “Отелло” таким монологом даже не пахнет, в известных мне переводах.

3-я СТАРУШЕНЦИЯ. Да не “Отелло” Шекспира, а “От тела!” Шапиро, местного автора.

КУДЫШНЫЙ. Ну и название: “От тела!”

3-я СТАРУШЕНЦИЯ. Название обычное, бытовое. Есть же в авиации: От винта! А тут: От тела! Это означает: не лапай меня, а не то врежу, причём между ног!

ВАСИЛИСА. Да вы хоть представьтесь для начала.

3-я СТАРУШЕНЦИЯ (представляясь). Подмышкина, в девичестве Подрагожина – незаслуженно “заслуженная артистка”.

КУДЫШНЫЙ. Незаслуженно? Кто же в этом признаётся?

3-я СТАРУШЕНЦИЯ. Вы не уловили подтекст. Ещё к пятидесятилетию Советской власти меня представили к званию “Народной артистки”. А я до сих пор незаслуженно “заслуженная артистка”.

ВАСИЛИСА. За что же вас так жестоко обидели?

3-я СТАРУШЕНЦИЯ. Это всё внутритеатральные интриги.

ХЛЕБУШКИН. А вот у Элеоноры Марковны званий кот наплакал: “Лучшая пионервожатая” и “Почётный донор”, а какой драматический талант прокисает!

ВАСИЛИСА. Хлебушкин, не вмешивайтесь в чужой разговор, хотя бы с “Элеонорой Марковной”.

3-я СТАРУШЕНЦИЯ (Кудышному). Значит монолог не очень...?

КУДЫШНЫЙ. В вашем исполнении он прекрасен! Считайте, звание “Народной артистки” у вас уже в кармане.

3-я СТАРУШЕНЦИЯ. Да-а, если бы всё в жизни было так просто. Жизнь, как детский “конструктор”: вроде все составляющие есть, а сложить не всегда удаётся. Ну никак не складывается – и всё! В юности кажется, что ты имеешь всё: и дар божий, и красоту, и жизнь вечную. Веришь в Любовь и любишь глубоко, страстно. Мечтаешь о счастливой семье, о любимой работе. Но мир так несовершенен, так хрупок, так печален. Мечтаешь выйти замуж за принца, стать кинозвездой на известнейшей кинофабрике, в Голливуде, например. А всю жизнь проработаете на **швейной** фабрике, на мужских, извиняюсь, гольфиках, а замуж так и не выйдешь. Пути Господни неисповедимы.

КУДЫШНЫЙ. Прекраснейший монолог! А как исполнено: с неподдельной искренностью, с внутренней болью. Из какой это пьесы, я что-то не припомню?

3-я СТАРУШЕНЦИЯ. Из пьесы под названием – жизнь! Я просто немного поразмышляла о жизни.

ВАСИЛИСА (3-ей Старушенции). А вы, оказывается, можете вызывать слезу.

3-я СТАРУШЕНЦИЯ. С годами, я скорее всего могу вызывать смех... сквозь слёзы. Жизнь понемногу уходит, и всё с ней связанное – тоже. Последней от меня ушла работа, точнее её от меня “ушли”. А когда тебя лишают любимой работы, чувствуешь себя “уценённой”.

ХЛЕБУШКИН. Слушай, старая, ты давай не раскисай. Спой-ка лучше кинорежиссёру нашу любимую!

3-я СТАРУШЕНЦИЯ. А что, может и вправду вам спеть, нашу любимую?

КУДЫШНЫЙ. Окажите честь.

3-я СТАРУШЕНЦИЯ. Песня называется “Вернись, любраба!”

ВАСИЛИСА. Аккомпанирует будущая актриса Василиса! Вышкин, клянусь вам, рук к этой песне не прикладывал. Их приложили: музыка – Хлебушкина, а слова, разумеется, Элеоноры Марковны! Исполняет заслуженно народная артистка Подмышкина!

3-я СТАРУШЕНЦИЯ (поёт). На этом свете, чтобы жить,
Кого-то надо нам любить.
Но может я дурная баба:
Моя любовь – моя любраба!

ПРИПЕВ: Вернись, любраба, я молю!
Вернись, я сердцем говорю!

Тебе я двери отворю...
Любраба – я тебя люблю!

Как много раз спасала ты
Меня от праздной суеты.
Ты открывала мне глаза,
Вселяла веру в чудеса.

ПРИПЕВ.

Не виноваты мы с тобой
Перед разлучницей-судьбой.
Я прожила с тобою век,
Я без тебя не человек.

ПРИПЕВ.

(речитативом). Вернись, любраба, я молю.

КУДЫШНЫЙ. Очень трогательная песня, но не очень понятная.

3-я СТАРУШЕНЦИЯ. Что же в ней непонятного?

КУДЫШНЫЙ. Мне не понятно, что скрывается под какой-то “любрабой”?

ВАСИЛИСА. Странно, но вы второй, после Вышкина, кто этого не понял.

3-я СТАРУШЕНЦИЯ. Любраба – это любимая работа, в сокращении. ЛЮБ – любимая, РАБ – работа. Любраба.

ХЛЕБУШКИН. Весь Дом ветеранов, во главе с Элеонорой, поёт эту «Любрабу», в трудную минуту.

КУДЫШНЫЙ. Вот теперь до меня дошло: кинорежиссёр – моя любимая работа, моя любраба! Да здравствует любраба!

3-я СТАРУШЕНЦИЯ. Вам понравилось? Тогда танцевальное попури “От степа до вертепа!” Хлебушкин, хватит бастовать, давай-ка тряхнём стариной!

3-я Старушенция и Хлебушкин исполняют фрагменты
популярных танцев двадцатого века.

Ну и как, есть ещё порох в пороховницах?

КУДЫШНЫЙ. Порох-то есть...

3-я СТАРУШЕНЦИЯ. ... но отсыревший. Я всё поняла. (Сникает, на глазах “стареет”.) Ну что ж, пойду, подсохну на солнышке.

КУДЫШНЫЙ. Поймите, мне не порох нужен, а совсем наоборот...

ВАСИЛИСА. ... песок! Ему нужно, чтобы из вас песок сыпался!

3-я СТАРУШЕНЦИЯ. А вот этого не дождётесь! Если понадобится, я и до кладбища сама дотанцую, и в гроб лягу с песней.

ВАСИЛИСА. Вот вы всё веселитесь, а на глазах слёзы.

3-я СТАРУШЕНЦИЯ. Ну и пусть, я их не скрываю. Со слезами уходит моё предназначение.

3-я Старушенция уходит, напевая “Вернись, любраба!”

КУДЫШНЫЙ. Как-то... всё не так!... не по сценарию...

Входит 1-я Старушенция, в руках у неё узелок.

1-я СТАРУШЕНЦИЯ. Я по очереди, я хочу поменять...

ВАСИЛИСА (перебивает, указывает на узелок). Бельё? Бельё хотите поменять? Так я же вам всем утром меняла!

1-я СТАРУШЕНЦИЯ. Я хочу поменять театр...

ВАСИЛИСА. Но разве это театр?!

1-я СТАРУШЕНЦИЯ. Я хочу поменять театр анатомический на ваше кино. Я хочу сниматься, я уже собралась.

ВАСИЛИСА. Да-а, ваши правнуки вас плохо воспитали.

Входит 2-я Старушенция.

2-я СТАРУШЕНЦИЯ. Господин Кудышный, да если бы я знала, что вы кинорежиссёр, я бы все свидания отменила к чёртовой бабушке!

ХЛЕБУШКИН. Элеонорочка, ты бы только знала, как я по тебе соскучился!

2-я СТАРУШЕНЦИЯ. Ванька, как тебе не стыдно за меня хлопотать?! Я и сама себя подать могу. Ты бы лучше за себя хоть словечко замолвил. Ты не артист, а мямля какая-то. (Кудышному.) Неужели мы ещё востребованы, старые артисты?

КУДЫШНЫЙ. Господа, я то ли свихиваюсь понемногу, то ли скоропостижно прозреваю. Василиса, а ну-ка верни эту поюще-танцующую молодую старушенцию! Да заодно и свистни сюда, так уж и быть, несравненного Вышкина.

Василиса уходит. Входит Вышкин.

ВЫШКИН. Вызывали?

КУДЫШНЫЙ. Приглашал.

ВЫШКИН. Значит главная роляга, надо полагать, моя?

КУДЫШНЫЙ. Не главная, но военно-патриотическая. Вы сыграете этакого свадебного генерала-патологоанатома в одиночку вскрывшего шестьсот шестьдесят шесть трупов, включая нашу бабушку героиню.

ВЫШКИН. Свершилось, я не подведу свою династию, стану-таки генералом! Ай да Вышкин, ай да сукин сын!

Входит Василиса и 3-я Старушенция.

3-я СТАРУШЕНЦИЯ. Вы меня вернули? Зачем?

КУДЫШНЫЙ. Господа артисты (1-ой Старушенции.) и вы, примкнувшая к ним, в мою голову пришло озарение: я никогда не стану великим режиссёром, если вас **всех** не сниму в своём фильме!

ВАСИЛИСА. Всех? Как это прекрасно!

ВЫШКИН. Всех?! Как это ужасно!

2-я СТАРУШЕНЦИЯ. Даже моего Хлебушкина снимете?

КУДЫШНЫЙ. Сниму. Хлебушкин сыграет директора загнивающей хлебопекарни, упитанно-сального мерзкого жулика!

ХЛЕБУШКИН. Я с такой трудной ролью не справлюсь.

2-я СТАРУШЕНЦИЯ. Справишься, мой красавчик, у тебя неземной талант.

ХЛЕБУШКИН. Элеонорочка, я свой талант давно зарыл в землю.

2-я СТАРУШЕНЦИЯ. А мы его откопаем!

ВЫШКИН. Это ещё бабушка вилами на воде надвое написала!

3-я СТАРУШЕНЦИЯ. (Кудышному). Спасибо большое за предложение сниматься. Но если мне роль не понравится, что тогда делать?

1-я СТАРУШЕНЦИЯ. Мне всё понравится.

2-я СТАРУШЕНЦИЯ. Да, кстати, расскажите нам сюжет, очень любопытно.

КУДЫШНЫЙ. Сюжет? Сюжет теперь придется основательно переписывать.

ВЫШКИН. Перелопатим! Я вам помогу. Я в ваш сценарий ещё и перчика добавлю в виде песен и плясок. Но с условием: моя роль должна проходить через весь фильм красной нитью.

ВАСИЛИСА. Да вы любую нить порвёте.

ВЫШКИН. Красную – никогда!

3-я СТАРУШЕНЦИЯ (Кудышному). И всё-таки несколько слов о героине?

ВАСИЛИСА. О героине ни слова, это же наркотик!

2-я СТАРУШЕНЦИЯ. Василиса, ты права: героиня – это как наркотик!

3-я СТАРУШЕНЦИЯ. (Кудышному.) Нам всем интересно знать, чем вас так привлекла старуха-героиня?

КУДЫШНЫЙ. Дорогие мои, замысел фильма, его сюжет, хоть убейте, это тайна за семью печатями. Что же касается старухи-героини, по ней я могу пройтись. Я опишу её конец, финал моего фильма. Итак, представьте себе: глубочайшая тревожнейшая ночь. Минздравом забытая зачухонная больница, палата для умирающих, вздохи, стоны, причитания. Крупным планом моя героиня – едва-едва живая неизлечимо больная старушенция. Страшно смотреть: в чём только душа теплится? И тут она чуть слышно шепчет: “Холодно в этой жизни, скорее бы под одеяло смерти”.

ВАСИЛИСА. Мне до слёз жаль эту бабульку.

ВЫШКИН. Не бабульку, а дедульку. Я готов сыграть две роли, это будет моя мужская роль!

КУДЫШНЫЙ. Вышкин, не сбивайте артистов с толку, эта роль женского рода. (Старушенциям.) Кто-нибудь из вас непременно сыграет эту замечательную старушку. А вы, Вышкин, будучи генералом-патологоанатомом, будете эту старушку вскрывать. Сами тоже погибнете, вас пырнёт скальпелем хирург, родственник нашей героини.

ВЫШКИН. Замысловато закручено, по-военному!

3-я СТАРУШЕНЦИЯ. А что было дальше с героиней?

КУДЫШНЫЙ. После последних слов, наша героиня, преодолевая невыносимую боль, медленно поднимается со своего смертного одра, из последних сил связывает разные там простыни и полотенца и спускается по ним из окна четвёртого этажа.

ВАСИЛИСА. А простыней хватило?

КУДЫШНЫЙ. С избытком, их ей одолжили обездвиженные умирающие.

ВАСИЛИСА. А узлы хорошо затянула?

КУДЫШНЫЙ. Намертво! Это же кино... С трудом спустившись, наша героиня, как ей казалось, сломя голову понеслась прочь от так опостылевшей ей больницы.

2-я СТАРУШЕНЦИЯ. Но зачем, если она, как и я, сплошная болячка?

КУДЫШНЫЙ. А затем, чтобы умереть в гордом одиночестве. Ей поставили убийственный диагноз: неизлечимо-смертельная болезнь. О ней давно все забыли, никто не навещает. Кроме генерала-патологоанатома, который ждёт-

недождётся вскрытия, чтобы присвоить себе её фамильный перстень, который она, как он полагает, проглотила. Для этого, он ей в оба уха напроорочил смерть в течение двадцати четырех часов плюс минус тридцать минут.

ВАСИЛИСА. И она, наивная, ему поверила?

КУДЫШНЫЙ. В том-то и дело. Поэтому и решила умереть в гордом одиночестве, дыбы не обременять окружающих своей безвременной кончиной. Пропасть без вести, была – и нету! Она всю жизнь считала: человеком ты становишься, приняв достойно смерть.

1-я СТАРУШЕНЦИЯ. Какая молодец, я тоже хочу достойно умереть.

КУДЫШНЫЙ. Слушайте дальше. Бежит она, бежит и, в конце концов, попадает на стихийную свалку, зарывается в какую-то невообразимую кучу мусора и начинает умирать. Перед ней, и перед зрителями само собой, проносится вся её прошлая многострадальная, но благородная жизнь. Молодую часть жизни я уже

снял, её сыграла известная молодая актриса. Но вот сегодня, пообщавшись с Василисой, наглядевшись на неё ненаглядную, эта молодая актриса почему-то перестала меня устраивать. Я, пожалуй, пересниму всё с самого начала. И тебя, Василиса, обязательно попробую на эту роль. А роль сопливого шпанёнка заставлю сыграть жену. Для этого в сценарии надо кое-что...

ВЫШКИН. Перелопатить.

КУДЫШНЫЙ. Не перелопатить, я не землекоп, а переписать. Вы меня не по существу отвлекаете.

ХЛЕБУШКИН. Можно отвлечь по существу? Скажите, в вашем фильме найдется место для Элеоноры Марковны, если вы каким-то чудом не отдадите ей роль героини? У героини вполне может быть миленькая добренькая подружка.

КУДЫШНЫЙ. Подружка у неё есть, но я эту роль клятвенно обещал народной артистке СССР!

ХЛЕБУШКИН. У героини может быть и две миленьких добреньких подружки. Такое бывает.

3-я СТАРУШЕНЦИЯ. Бывает, но только в сказках.

КУДЫШНЫЙ. Так и быть, внесу я в сценарий ещё одну подружку. (Хлебушкину.) И вашу роль распишем поярче, за вашу безграничную дотошность. Придётся фильм на несколько серий растянуть. Ну и растянем, благо “неотмытых” денег невпроворот!

1-я СТАРУШЕНЦИЯ. Тогда может и мне кое-что перепадёт? Ну там уборщица какая-нибудь, в каком-нибудь анатомическом театре, в морге. Или ещё кто-нибудь простых кровей.

КУДЫШНЫЙ. Вот те на, об уборщице-то я совсем забыл! Спасибо, напомнили, пропишем и для вас роль.

ВЫШКИН. Как бы мне в вашем фильме в дураках не остаться. Сами посудите, (Указывает на окружающих.) помимо всех этих, помимо меня бравого генерала, в фильме непременно должны быть продажный прокурор, сытый чиновник, опустившийся интеллигент, серийный убийца, легальная проститутка. Без этих персонажей ни один фильм не обходится!

КУДЫШНЫЙ. Да, без них никак, хотя очень хотелось бы.

ВЫШКИН. И что получается: моя роль как шагреновая кожа урежется до какого-нибудь паршивого эпизодика? Это непорядочно с вашей стороны, заранее должен вам заявить.

КУДЫШНЫЙ. Да, как сценарий-то трещит, по всем швам! А вы бы знали, сколько я сценаристам отвалил?! Ну да ладно, пусть жируют!

3-я СТАРУШЕНЦИЯ. Кто о чём, а я о финале. Ну хорошо, валяется она, без всяких песен и плясок, в этой самой куче мусора – и что? Чем фильм-то заканчивается?

КУДЫШНЫЙ. Фильм заканчивается очень даже реалистично, я бы даже сказал, утилитарно.

ХЛЕБУШКИН. Я, кажется, догадался: приезжает мусороуборочная машина и увозит бедолагу Элеонорочку... брр ... просто бедолагу вместе с мусором на мусоросжигательный завод.

КУДЫШНЫЙ. Если бы так, у меня финал намного трагикомичнее.

2-я СТАРУШЕНЦИЯ. Куда уж трагикомичнее?!

КУДЫШНЫЙ. Финал такой: лежит она в куче мусора и умирает, умирает. А умереть никак не может – хоть убей! Уже и прожитая жизнь несколько раз в мозгу прокрутилась, к тому же запахи вокруг неприятные, холодновато...

ВЫШКИН. Вонь, холод? Слава богу, мне её не придётся играть.

КУДЫШНЫЙ. И что вы думаете, какой фортель она выкинула?

ВАСИЛИСА. Выпила горсть сонных таблеток (Указывает на 1-юСтарушенцию.) как она, и уснула вечным сном!

КУДЫШНЫЙ. И ты не угадала.

2-я СТАРУШЕНЦИЯ. Наложила на себя руки, каким-нибудь обломком стекла. Да тем же перстнем резанула по сонной на шее.

ВЫШКИН. Вы все говорите глупости, ничего она не успела сделать. Сказать почему? Да потому что из кучи мусора поднимаются титры: “Конец фильма.”

КУДЫШНЫЙ. И даже вы не угадали!

1-я СТАРУШЕНЦИЯ. А я считаю, умирать надо под настроение.

КУДЫШНЫЙ. Проницательность достойная кисти художника! Старушку «достала» такая бессмертная мусорная жизнь и она, скрепя сердце, вернулась на свое смертное одро. И, - о чудо! - утром она просыпается здоровой как огурчик! Все анализы – один лучше другого! Генерала-патологоанатома чуть кондрашка нехватила! А наша старушенция, знай себе, поёт и пляшет! Она ведь победила саму костлявую с косой!

ВАСИЛИСА. Какой счастливый конец!

КУДЫШНЫЙ. Минуточку, это ещё не конец. Радостные, в кавычках, родственники, которые уже мысленно растащили её изрядное наследство и съехались в больницу для долгожданных похорон, дружно подбрасывают счастливую старушенцию вверх – раз, второй, третий! А потом каждый из них думает: хватит мне-то подбрасывать. И все делают шаг назад. И наша с вами старушенция разбивается насмерть!

ВАСИЛИСА. Насмерть?! Такая как она пусть лучше выживет.

КУДЫШНЫЙ. Увы, на этот раз она надёжно умерла, тут даже я не смог ничего поделать. Но что самое поразительное, все её родственники тоже умерли при странных обстоятельствах в течение двадцати четырех часов плюс минус тридцать минут, к нескрываемой радости генерала-патологоанатома. Отсюда и идея фильма: « Хорошо, что люди смертны, ибо наряду с чистыми и добрыми людьми **неизбежно** умирают и те, которым и жить-то, быть может, не стоило на этой земле! » Василиса, распахни двери для всех желающих!

Василиса распахивает двери Дома ветеранов сцены.

Уважаемая публика! Нет! Уважаемая старая гвардия! Всех желающих приглашаю сниматься в моём фильме! Пусть каждый сыграет не сыгранную роль! Роль, о которой мечтал, которой бредил! И пусть наш фильм будем многосерийным, пусть наш фильм будет бесконечным!.. (Замечает кого-то за дверью.) О, кажется за мной пришли мои ассистенты из съёмочной группы. Мы снимаем фильм здесь рядом, в больнице. А я, кинорежиссёр, сорвал съёмки: вырвался к вам, но персонал не предупредил. Сам во всём виноват! Но фильм я

с вами всё-таки сниму! Старая гвардия, вы только не расходитесь, ждите, я скоро вернусь! Я очень скоро вернусь!...

ВАСИЛИСА. Я с вами, иначе старая гвардия, от радости, разорвёт вас на куски!

Кудышный и Василиса уходят.

ХЛЕБУШКИН. Хороший фильм должен получиться, правильный. Нельзя всем доверяться, слышишь Элеонорочка, даже родственникам.

2-я СТАРУШЕНЦИЯ. А врачам, таким как этот генерал-патологоанатом, тем более!

3-я СТАРУШЕНЦИЯ. Да и чиновникам всех рангов!

ВЫШКИН. Вы тут договоритесь и до... (Указывает пальцем вверх.)

1-я СТАРУШЕНЦИЯ. А артистам разве можно доверять, особенно артисткам?

ВЫШКИН. Нельзя доверять даже кинорежиссёрам! Это я вас так опять развлекаю, как вы не можете этого понять.

Вбегает Василиса.

ВАСИЛИСА. Его схватили!

ВСЕ. Кто?!

ВАСИЛИСА. Да эти... санитары чокнутые, из психбольницы, напротив! Они считают его своим пациентом. Опять с кем-то перепутали!

ВЫШКИН. Пока разберутся, дня три коту под хвост! Вот сволочи, съемки сорвали!

2-я СТАРУШЕНЦИЯ. Ничего не понимаю, неужели он ненормальный?

ХЛЕБУШКИН. Если он ненормальный, то и мы все ненормальные!

1-я СТАРУШЕНЦИЯ. Никогда бы не подумала, он такой добрый. (Вздыхнув.) На доброте человеческой еще ехать да ехать.

3-я СТАРУШЕНЦИЯ. Может он и ненормальный, но ненормальные - тоже люди!

1-я СТАРУШЕНЦИЯ. Да и мы, хоть и старые, тоже люди.

ВАСИЛИСА. Да ещё какие!... Он вернётся! (Тихо, самой себе) Не он, так кто-нибудь другой... (Всем, громко) Он вернётся! Вы же слышали, он обещал! Он нас любит! Он вернётся!...

3-я Старушенция начинает петь "Вернись, любраба!" Песню подхватывают все присутствующие. А затем и все постояльцы Дома ветеранов сцены.

КОНЕЦ

Адрес автора: 107258, г. Москва, ул. Игральная, дом 6, кор. 2, кв. 13.
Тел. (499) 169-53-89. Эл. адрес: kobiakov@yahoo.com

Кобяков Вячеслав Иванович.